

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 2, 1977 март — апрель

В номере:

1917—1977

В. А. Чебыкин. Просторечные слова в полемике В. И. Ленина	3
Е. Л. Лилеева. Выразительность ленинского заголовка	8
Ю. С. Воронов. Об одном полемическом приеме	15

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Р. А. Будагов. Как рассказала Марина Цветаева о жене А. С. Пушкина	19
В. Ф. Горн. Живой язык Василия Шукшина	24
Н. А. Кузьмина. «Пробивалась певучим потоком...» (творительный превращения в поэтической речи).	31

КУЛЬТУРА РЕЧИ. ГРАММАТИКА

1917—1977

С. И. Виноградов. Дискуссии о языке первых по- слереволюционных лет	37
В. Н. Прохорова. Мост — телемост — воздушный мост	45
И. С. Улукханов. Обратное словообразование	51
Г. И. Мисьякевич. Поволжье, Зауралье	58
Н. Ф. Шумилов. Зам, зав... телик, мультик	62

КАК
РАССКАЗАЛА
МАРИНА
ЦВЕТАЕВА
О ЖЕНЕ
А. С. ПУШКИНА

У интересной и своеобразной русской писательницы — поэтессы и прозаика — Марины Цветаевой (1892—1941) имеется яркий очерк о Наталье Николаевне Гончаровой, жене А. С. Пушкина. Собственно говоря, это не самостоятельный очерк, а небольшой этюд, включенный в другую работу Марины Цветаевой — в ее воспоминания о русской художнице Наталье Сергеевне Гончаровой (1881—1962), приходившейся внучатой племянницей жене Пушкина. С этой художницей Цветаева дружила долгие годы, воспоминания о ней вызвали суждения и о другой Гончаровой, жене Александра Сергеевича. В последующих строках я и хочу обратить внимание, как написана глава о Наталье Николаевне Гончаровой (в дальнейшем цитирую эту главу по книге: Марина Цветаева. Мой Пушкин. М., 1967).

Каждый, кто интересовался жизнью Пушкина, хорошо знает, какую важную роль в его судьбе сыграла Н. Н. Гончарова. Поэтому и неудивительно, что о ней очень много писали и ее современники, и исследователи жизни Пушкина. Этих вопросов я здесь касаться не буду. Перейду прямо к тому, как Цветаева сумела воссоздать облик жены поэта. Меня интересуют прежде всего языковые и стилистические средства, с помощью которых этот облик был создан. Марина Цветаева люби-

да подчеркивать, что для всякого подлинного поэта «неделимость сути и формы» является аксиомой. Поэтому и у самой поэтессы мы можем обнаружить подобную неделимость — единство содержания и формы, если говорить более обычными в этом случае словами. Стремясь объяснить странную женитьбу Пушкина на великосветской красавице, Цветаева сразу же прибегает к резким контрастам: «тяга гения к пустому месту... Он хотел нуль, ибо сам был — всё» (с. 205). Затем, как бы утя, что подобными резкими контрастами все же не объяснить весьма сложных взаимоотношений между супругами («жена моя прелесть» — писал Пушкин теще в 1834 году, через четыре года после женитьбы), Цветаева приводит фрагменты из писем современников — их отклики на гибель поэта и на положение, в котором оказалась его жена в результате этой трагедии. Вот Д. Н. Гончаров в сентябре 1837 года сообщает, что «Натали... чаще грустна, чем весела», а вот А. Н. Карамзин в этом же году делится своими наблюдениями с Е. А. Карамзиной: «Странно, я от всего сердца желал Наталье Николаевне утешения, но не думал, что желания мои исполнятся так скоро» (с. 210).

Здесь уже не прямые осуждения, а осуждения, данные как бы намеками: «чаще грустна, чем весела», следовательно, хотя и бывает веселой, но далеко не всегда, хотя и нуждается в утешениях, но подобные утешения не должны все же тянуться долго (они достигают своей цели достаточно быстро). Утешения — утешениями, веселость — веселостью, но вторично Наталья Николаевна выходит замуж за генерала П. П. Ланского лишь в 1844 году. Сообщая об этом (с. 211), М. Цветаева как бы подчеркивает: современники по-разному судили о жене Пушкина и нам, потомкам, не следует упрощать образ этого человека.

Итак, резкое противопоставление, данное в начале очерка (Пушкин — всё, Гончарова — нуль), затем осложняется. Нельзя не считаться с мнением современников. Вместе с тем Цветаева постоянно напоминает читателям, что Пушкин и Гончарова всегда оставались чужими людьми по отношению друг к другу. «Жуткая подробность. Карета, увозившая Пушкина на Черную речку, на Дворцовой набережной поравнялась с каретой Гончаровой. Увидь они друг друга... Но жена Пушкина была близорука, а Пушкин смотрел в другую сторону» (с. 207).

С помощью своеобразных языковых и стилистических средств Цветаева вносит поправки во взгляды отдельных современников на бракосочетание поэта. После женитьбы Пушкина П. А. Вяземский заметил: «первый романтический поэт нашего времени на первой романтической красавице». Вяземскому казалось, что создается чудесная пара. Цветаева комментирует: «Пара по силе, идущей в разные стороны, хотелось бы сказать: пара друг от друга. Пара — врозь» (с. 204). Здесь пара оказывается не символом близости (единства), а признаком разобщенности. Отсюда и разрушение устойчивого словосочетания типа *друг для друга* (ср.: *друг другу*) и употребление словосочетания, несколько неожиданного в единстве с *парой* — *друг от друга* («пара друг от друга»). Речь идет о паре, которая не сближается, а удаляется друг от друга. И все же Цветаева здесь не подчеркивает, что стремление первого поэта к первой красавице имело и точки соприкосновения: первый поэт мечтал видеть в образе своей жены первую красавицу эпохи. Так что само понятие *пары* сохраняет известные точки соприкосновения между женой и мужем, а не только пункты расхождений.

В своем стремлении обогатить привычные словосочетания Цветаева опирается на опыт самого Пушкина. Она вспоминает фрагмент из стихотворения поэта «К морю» (1824):

Ты ждал, ты звал... я был окован,
Вотще рвалась душа моя!
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

У современников Пушкина *страсть* обычно сочеталась с такими прилагательными, как *жаркая*, *неистовая*, *роковая* и пр., но «ни у кого — *могучая*». Очарованным можно быть *красотой*, *грацией*, даже *слабостью*, но не *мощью*, как у Пушкина. Поэт «очарован не данной женщиной, а могучей страстью». Он противопоставляет *морю* не *деву* (подобное противопоставление — шаблон), а *могучую страсть* (с. 216). Следуя за нешаблонностью и силой пушкинских поэтических словосочетаний, Цветаева сама ищет подобные словосочетания в языке другой исторической

эпохи. Когда говорят о том или ином поэте, что он «вышел из Пушкина», то по убеждению поэтессы предлог *из* прекрасно передает здесь значение школы Пушкина. Побывав «в школе Пушкина», подлинные поэты выходят затем «на волю», на простор, в сферу своих собственных поэтических возможностей. Школа Пушкина не сковывает, а освобождает большого поэта (с. 218). И хотя у Цветаевой эти мысли выражены только намеком, они не теряют своего общественного значения.

Осмысляя заново отдельные словосочетания, Марина Цветаева с их помощью создает образ жены Пушкина и образы отдельных его современников. Разумеется, подобная функция словосочетаний — это лишь одно из средств создания образа. И все же это средство существенно в поэзии вообще, у Марины Цветаевой — в частности и в особенности.

Вот поэтесса возвращается к вопросу о сказочной красоте Натальи Гончаровой. Кто-то из современников жены поэта заметил, что у нее все было прекрасно, даже уши. Цветаева комментирует: все писали об ее «улыбке, походке, очах, плечах, даже ушах... Ибо она вся — в улыбках, очах, плечах, ушах» (с. 206). В первом предложении об *ушах* говорится как бы с удивлением («даже ушах»). В самом деле, кто, оценивая красоту женщины, вспоминает об ее ушах? Но жена Пушкина — исключение. Она первая красавица своей эпохи (Вяземский: «первая романтическая красавица»). Поэтому у нее все необыкновенно, в том числе «даже уши». Но во втором предложении, повторяющем мысль первого предложения, частица *даже* снимается. По отношению к «первой красавице» ничто не должно казаться преувеличением. Следует новый ряд перечислений, уже без *даже*: «в улыбках, очах, плечах, ушах». Вместе с тем вся эта неопишуемая красота — красота бессловесная. Это красота куклы. Это — «орудие судьбы, злой, страшной судьбы (с. 206).

В ходе изложения Цветаева вновь возвращается к ассоциации с «пустым местом» при характеристике Н. Гончаровой. На этот раз, однако, «пустое место» относится уже не столько к жене поэта, сколько к убийце поэта — к Дантесу. Учитывая предание, согласно которому Пушкин должен был быть убит человеком на белой лошади (это предание было известно еще при жизни поэта), Цветаева замечает: «Судьба посредством Гончаровой выбирает Дантеса, пустое место, равное Гончаровой» (жена поэта вновь

сравнивается с *пустым местом*). «Пушкин убит не белой головой, а каким-то — пробелом» (с. 207). «Белая голова» относится к воображаемому всаднику на белом коне, а *пустое место* (Дантес) оказывается *пробелом* (в наших современных словарях *пробел* — незаполненное место, промежуток между буквами, между строками). *Пробел* превращается в действующее лицо трагедии.

Для правильного суждения о жене поэта следует считаться с тем, что жизнь и творчество самого Пушкина можно видеть «очами любящих (друзей...), очами любопытствующих (всех тех, последнюю сплетню о нем ловивших...), очами судящих (государь, полиция..., иксы, игреки...) и, наконец, ...очами будущего...» (с. 196). Сложная личная судьба поэта в известной степени отразилась и на судьбе спутницы последних семи лет его жизни.

Можно спорить с Мариной Цветаевой по вопросу о том, насколько верные краски она избрала при обрисовке Наталии Николаевны Гончаровой. Можно спорить и по вопросу о точности тех или иных акцентов. Можно спорить, наконец, о допустимой степени смелости и удачливости отдельных языковых «сдвигов» — сравнений, метафор, новых значений старых слов. И все же нельзя не заметить, что в маленьком очерке автору удалось создать свой образ жены Пушкина, вокруг имени которой не один раз возникли легенды. Своеобразие языка и стиля Марины Цветаевой и в этом случае следует постоянно учитывать.

Р. А. БУДАГОВ

В следующем номере будут опубликованы материалы из новой книги «Вокруг Пушкина» И. Ободовской и М. Дементьева с предисловием члена-корреспондента АН СССР Д. Д. Благого.